

Р.И. ХИСАМОВ

**ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ
ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В УСЛОВИЯХ
НЕОПАТРИМОНИАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ
РЕЖИМОВ АРАБСКОГО ВОСТОКА**

При изучении особенностей политического процесса в странах с неопатримониальным политическим режимом вряд ли будет уместным применение инструментария, пригодного для анализа демократических политических систем. Более того, набор политических институтов, характерный для западных демократий, имеется далеко не во всех неопатримониальных странах, а в тех государствах, где подобные институты существуют, они, как правило, отличаются от своих западных аналогов по содержанию, характеру выполняемых функций, уровню развитости и местом в жизни общества.

Это налагает определенный отпечаток на институциональную динамику этих стран. На наш взгляд, адекватная оценка уровня институционализации какой-либо нормы заставляет нас обратиться к глубинным характеристикам неопатримониальной государственности, так как именно они оказывают решающее влияние на ход и перспективы процесса институционализации.

Понятие «патримониализм» было подробно раскрыто Максом Вебером в работе «Хозяйство и общество». По определению Вебера, «в своем чистом виде патримониальное господство, особенно в сословной форме, рассматривает все управленческие полномочия и соответствующие экономические права как присвоенные частным образом экономические возможности», которые

рассматриваются как «частные права» [Weber, 1978, p. 236–237]. Политическое измерение, по Веберу, патримониализм приобретает тогда, когда происходит частное присвоение судебной и военной функций государства, становящихся правовой основой для привилегированного положения присвоившего эти функции сословия [Weber, 1978, p. 237]. Факт трактовки властных полномочий и предоставляемых ими возможностей как разновидности частных прав является основополагающим критерием патримониализма вне зависимости от уникальных особенностей политических систем [Weber, 1978, p. 237].

Тезис о наличии новых форм патримониализма выдвинул Гюнтер Рот в статье «Персональное правление, патримониализм и имперское строительство в новых государствах» [Roth, 1968, p. 194–206]. Идея Рота состоит в том, что современные постколониальные государства демонстрируют отсутствие легально-рациональных элементов, характеризующих современное государство, равно как и элементов традиционной легитимности, характеризующих традиционные государства. Вместо этого происходит «детрадиционализация» персонального правления, приобретающего вид патримониального господства, реализующего материальные интересы. Непатримониальные режимы характеризуются, согласно теории Рота, персональным правлением на основе лояльности, внутренне связанной с материальными вознаграждениями и не требующей веры в личные качества правителя [Roth, 1968, p. 196].

Как отмечает В. Хорос, «...демократические структуры в незападных обществах обладают большой спецификой по сравнению с классическими западными аналогами: этнический и профессиональный корпоративизм, высокая степень персонализации в политике, патрон-клиентные отношения, большая роль традиционных ценностей в политической культуре (например, в поведении электората) и др. В этом смысле нецелесообразно оценивать “третьемировую” демократию лишь по западным меркам или узкоинституциональным критериям. Если говорить об особенностях демократических структур и институтов в незападном мире, то можно выделить два наиболее важных аспекта. Во-первых, специфичность формирования гражданского общества в этих странах, преобладание различных форм, опирающихся на корпоративно-коллективистские традиции (расширенная семья, община, каста, традиции, этносы, конфессии и др.). Эти формы затрудняют фор-

мирование демократии западного типа, привносят в общество элементы неравенства и иерархии. Но вместе с тем именно иерархичность традиционного типа неожиданным образом может способствовать укреплению демократии» [Хорос, 1996, с. 303].

Схожие утверждения можно найти и в работах зарубежных исследователей. Так, Л. Андерсон утверждает, что те, кто опирался исключительно на теорию демократизации в последние десять лет, в итоге оказались «...разочарованы в нормативном, неподготовлены в политическом и изолированы в научном отношениях» [Anderson, 1995, p. 73].

На наш взгляд, можно согласиться с П. Пановым, который, говоря о так называемых «новых» (незападных) политиях, утверждал, что «их не следует рассматривать под углом зрения соответствия / несоответствия стандартам западных nation-states с их универсалистским вектором, а недостаток состоятельности (моноцентризма, универсализма) в этих политиях не следует объяснять тем, что они находятся в состоянии перехода (“демократического транзита”). Напротив, исходной точкой размышлений становится понимание того, что дефицит универсализма – не временное явления, а специфическое свойство политического порядка в политиях этого типа» [Панов, 2011, с. 201].

Если попытаться охарактеризовать основной вектор динамики общественно-политических институтов в странах Арабского Востока, то в общих чертах его можно обозначить как усиление и обновление партикуляризма посредством универсалистских институтов и институциональных практик.

Подобная специфика, по мнению П. Панова, может быть объяснена тем, что в западных государствах процесс политической модернизации постепенно вытеснял из общественно-политической практики партикуляризм, выдвигая на первый план универсалистские ценности, такие, например, как гражданственность, сводившая на нет все значение иных форм идентификации. Это привело к институционализации таких норм политической жизни, которые были основаны на всеобщем и равном избирательном праве, политическом представительстве и господстве права [Панов, 2011].

Однако необходимо учитывать, что в арабских странах эти институциональные формы были привнесены правящими элитами извне и учреждены в кратчайшие сроки, а значит, их содержание определялось именно партикуляристскими ценностями, домини-

рующими в культурных установках стран региона и определяемых ими характером институциональных практик. Основную роль в укоренении партикуляризма сыграли именно местные традиции, оказавшиеся достаточно устойчивыми для того, чтобы не только сохранить свое присутствие в повседневной жизни стран региона, но и преобразовать характер своей деятельности в новых условиях, что выразилось в доминировании отношений типа «патрон – клиент» в политической и социальной сферах арабских обществ. Как указывает украинский исследователь А.А. Фисун, провалы и реверсивные волны демократизации в случае «слабого государства» и неразвитости рационально-бюрократических механизмов вызывают к жизни неопатримониальные режимы, ориентированные на цели форсированной национально-государственной консолидации и извлечения ренты [Фисун, 2010, с. 159].

В исследованиях режимов стран Арабского Востока начиная с 1970-х годов неопатримониализм понимался как система политической власти, в которой ведущая роль принадлежит правителю, управляющему посредством сети персональных неформальных отношений. В 1970–1980-х годах традиционное понимание неопатримониализма упускало из виду такие факторы стабильности политического режима, как идеология или господствующий тип политической идентичности, и концентрировалось на ненасильственных действиях правящих элит по легитимации власти через ее сакрализацию. По мнению А. Бэнка, это накладывает существенные ограничения на объяснительную способность теории неопатримониализма, тогда как расширение концептуального базиса позволит изучить неопатримониализм во всех его современных проявлениях [Bank, 2004, p. 167].

Суть альтернативной, или интегративной, концепции неопатримониализма заключается в добавлении традиции и материальному вознаграждению дополнительных характеристик – политики участия и политики символизма.

Основная стратегия неопатримониализма – рента и распределение (*rent seeking and allocation*). Распределение ренты между влиятельными политическими «клиентами» лежит в основе любой легитимации системы личной власти, а распределение государственных ресурсов (субсидии потребительских товаров, бесплатное здравоохранение и образование) является эффективным инструментом в достижении режимом лояльности со стороны населения.

В странах Арабского Востока рента и ее распределение выступали основными ресурсами легитимности вплоть до начала 1990-х годов, когда экономический кризис привел элиты к осознанию необходимости дополнительных стратегий обеспечения легитимности. Ими стали политика регулирования политического участия (*politics of participation*) и политика символизма (*politics of symbolism*). Суть политики регулирования политического участия заключается в том, что правитель определяет, какие политические акторы будут включены, а какие – исключены из процесса принятия политических решений. Ряд влиятельных политических акторов не могут быть интегрированы в политическую систему и не могут создать альтернативные и автономные центры принятия решений. Политическое рекрутирование осуществляется в соответствии с критериями лояльности кандидата, а не в соответствии с его профессиональными и личными качествами. Однако эта стратегия оказалась не столь эффективной, когда режимы стран Арабского Востока в 1990-х годах пошли на расширение политического участия и инкорпорирование различных общественных групп во властную структуру в основном посредством муниципальных и парламентских выборов. Но в итоге выборы позволили, во-первых, существенно повысить легитимность правящих режимов на международной арене, а во-вторых, в некоторых случаях, как, например, в Египте, выборы стали механизмом селекции элит.

Символическая политика делает упор на нематериальные аспекты культуры и идентичности, добавляя новые аспекты к классическим веберовским понятиям харизмы и традиции, присущим традиционному пониманию неопатримониализма [Bank, Richter, 2010, p. 5–8]. Для стран Арабского Востока – это ислам, используемый правящими элитами (в основном монархическими) для легитимации режима в глазах населения. Придание статуса «предводителя правоверных» монарху, а также акцент на родство правителя с самим Пророком Мухаммедом позволяют монархическим элитам сплачивать вокруг себя население и придавать любому политическому несогласию религиозный антиисламский характер, что в мусульманской стране означает дискредитацию оппонентов. Несмотря на то что укоренение парламентов и политических выборов существенным образом повлияло на характер господства в арабских странах, сместив акцент с его божественной природы в сторону рационализации, партикуляризм не оказался вытесненным

за пределы институционального поля, так как в случае с монархиями правитель по-прежнему обладает большим запасом легитимности, чей статус не зависит от итогов парламентских выборов. Однако справедливости ради стоит заметить, что не во всех монархиях власть носит сакральный характер. Так, Кувейт является примером сочетания западных политических институтов и политической культуры мусульманского мира, что предопределяет нетипичный характер кувейтской государственности, заключающийся в адаптации норм конституционной монархии к местным условиям. Это выразилось в наличии избираемого парламента при отсутствии партийной системы с шариатом в качестве основы законодательства и особым влиянием наследного правителя, а также уникального института общественного договора *мубаяа* (общественный договор, заключенный жителями поселения Эль-Кувейт с переселившейся из Неджда семьей Аль-Сабах, по сей день являющейся правящим семейством). Договор стал важной составляющей государственно-политической системы Кувейта и сохранился, несмотря на последующие изменения. Сегодня этот факт дает основание утверждать, что власть в Кувейте носит выборный характер и в определенной степени основана на демократии [Мелкумян, 2007, с. 259–278].

Другая особенность институционализации парламентаризма в условиях неопатримониальных режимов стран Арабского Востока заключается в различии восприятия целей парламентаризма властной элитой и населением. Для элиты это принцип, формальное следование которому позволяет относительно легко добиться легитимации власти. Это не было бы существенным недостатком, если бы не порождало ложные политические ценности среди населения и не приводило бы к отсутствию адекватного политического представительства, из-за чего население вынуждено искать в парламентских процедурах материальную выгоду, а не осуществления политических прав. Рационализация господства в неопатримониальных режимах Арабского Востока выражается в том, что лидеры осознают необходимость легитимации посредством всенародных выборов, что способствует институционализации этой процедуры. Однако при этом целью выборов остается сохранение доступа лидера к ресурсам, что, в свою очередь, делает выборы предсказуемыми и подверженными административным манипуляциям.

Клиентелизм, поглотивший практически все уровни политического участия, от местных *маджлисов* до общенациональных парламентских выборов, является отличительной чертой процесса институционализации парламентаризма в странах Арабского Востока. И.М. Смилянская указывает, что «традиционная элита располагала издавна отработанными способами организации коалиции сторонников. Помимо простонародья, патронируемого лидирующими семейными кланами и находящегося от них в зависимости (это могли быть общины феллахов, городские кварталы или ремесленные цехи), использовались союзы с бедуинскими племенами или псевдоплеменными объединениями оседлого населения, подкрепленные брачными связями, а иногда институтом заложенничества. Обычно подобные коалиции были устойчивы и сохранялись на протяжении нескольких поколений. Немалую роль в ориентации союзнических отношений играла мифологическая генеалогия арабских кланов... Устойчивость таких союзнических объединений можно объяснить тем, что они создавались не для реализации политических программ (собственно, их и не возникало) или сиюминутных интересов, напротив, эти коалиции сами влияли на формирование интересов. Они были призваны гарантировать сохранение баланса политических сил и безопасность его членов» [Смилянская, 1998, с. 314]. Яркой иллюстрацией этого является институт под название *makhzen*¹ в Марокко, который подразумевает под собой сеть королевских патронов и клиентов в правительственных структурах, состоящую из крупных землевладельцев, региональных лидеров, представителей бизнес-элиты и армии, зависящих от королевского двора и отстаивающих королевские интересы.

Другой аспект институционализации парламентаризма в странах Арабского Востока состоит в том, что многопартийность также обладает своей спецификой. Партийные системы арабских стран часто сильно фрагментированы и находятся под довольно жестким контролем главы исполнительной власти. При этом многопартийность способствует еще большему дроблению политических сил, активизации меж- и внутрипартийной борьбы на клановой, этнической и других основах, что в итоге вызывает снижение самостоятельности партий. На институционализацию партийных

¹ С арабского «*makhzen*» может быть переведено как «склад, кладовая». Слово использовалось для обозначения хранилища королевского богатства.

систем негативно влияет клиентелизм, преобладающий в отношениях между политическими партиями и их социальной базой. Возникает ситуация, когда партийная принадлежность избираемого кандидата не играет никакой роли для его электората, частая смена партийной принадлежности стала обычной практикой. Как правило, избираемые кандидаты стремятся занять прорежимную позицию, что позволит им не только отстоять интересы группы, поддержавшей их на выборах, но и заручиться поддержкой на более высоком уровне. По справедливому утверждению А.А. Фисуна, причина в том, что в обществах, в которых бюрократизация и рационализация осуществляются после процесса демократизации, вместо партий возникают политические институты скорее неформального типа, основывающиеся на патронаже и клиентарном «обмене лояльностью и расположением» [Фисун, 2010, с. 159].

Таким образом, институционализация парламентаризма в странах Арабского Востока осуществляется в соответствии с логикой неопатримониальных режимов, заключающейся в воспроизводстве механизмов личной власти при ограниченном и управляемом участии в процессе принятия решений альтернативных политических акторов.

Несмотря на то что ключевые акторы политического процесса продолжают действовать в прежних институциональных рамках, ведется поиск новых норм функционирования политических систем. Без сомнения, парламенты, политические партии и выборы обладают потенциалом для институционализации парламентаризма. Более того, опыт ряда стран показал, что этот потенциал можно успешно реализовать. Наблюдается институционализация сил, ориентированных на универсалистские ценности и стремящихся изменить характер функционирования общественно-политических институтов, однако главная проблема, с которой сталкиваются носители универсализма, – это то, что ключевые арены политического взаимодействия, такие как парламент, партии и выборы, в сущности, воспроизводят партикуляристские институциональные практики.

Литература

Мелкумян Е.С. Политические процессы в Кувейте на рубеже XXI века // Ближний Восток и современность: Сборник статей / Отв. ред. А.О. Филоник. – М., 2007. – № 33. – С. 259–278.

- Панов П.В. Институты, идентичности, практики: Теоретическая модель политического порядка. – М.: РОССПЭН, 2011. – 230 с.
- Хорос В.Г., Чешков М.А. Политическая модернизация в «третьем мире»: Некоторые обобщения // Авторитаризм и демократия в развивающихся странах / Под ред. В.Г. Хороса, Г.И. Мирского, К.Л. Майданника и др. – М.: Наука, 1996. – 336 с.
- Смелянская И.М. К вопросу о содержании политической истории арабских стран в новое время // Арабские страны Западной Азии и Северной Африки (новейшая история, экономика, политика). – М., 1998. – № 3. – С. 307–318.
- Фисун А.А. К переосмыслению постсоветской политики: Неопатримониальная интерпретация // Политическая концептология. – Ростов-на-Дону, 2010. – № 4. – С. 158–187.
- Anderson L. Democracy in the Arab World: A critique of the political culture approach // Political liberalization and democratization in the Arab World. Theoretical Perspectives / R. Brynen, B. Korany, P. Noble (eds). – Boulder, CO: Lynne Rienner, 1995. – Vol. 1. – P. 77–92.
- Bank A, Richter T. Neopatrimonialism in the Middle East and North Africa: Overview, critique, and alternative conceptualization // Neopatrimonialism in the various world regions: Session II: Functional and Regional Application of the Neopatrimonialism Concept. GIGA German Institute of Global Area Studies Workshop Papers. – Hamburg, 2010. – 10 p.
- Bank A. Rents, cooptation, and economized discourse: Three dimensions of political rule in Jordan, Morocco and Syria // Journal of mediterranean studies. – Msida, Malta, 2004. – N 14 (1 & 2). – P. 155–180.
- Eisenstadt S. Traditional patrimonialism and modern neopatrimonialism. – Beverly Hills: Sage publ., 1973. – 95 p.
- Roth G. Personal rulership, patrimonialism, and empire-building in the new state // World Politics. – Baltimore, 1968. – Vol. 20, N 2. – P. 194–206.
- Weber M. Economy and society. An outline of interpretive sociology / G. Roth, C. Wittich (eds). – Berkley: California univ. press, 1978. – 1643 p.